

01
ЧЕТВЕРТ

СВ

Елена Лаевская

Иллюстрация Сергея Дергачева

Эмоша по четвергам

Эмоши. Они такие, эмоши. Хитрые. Никто не знает, почему они такие. Другие. Ведьмачки. Продались нечистой силе. И теперь гребут деньги лопатой. Говорят, они всех нас вылечить могут. Если вместе соберутся в Чертов Круг. Но они не хотят, им невыгодно. А еще говорят, если эмоша видит, что тебе больше ей платить нечем, — так сразу слово нужное скажет, и ты труп. Как можно дальше надо от них держаться.

Из разговоров в толпе

Четверг

День инъекций. К воротам подъезжает белая «хонда» со знаком Службы государственного здоровья на крыле. Грегори Гаррони может себе позволить не отвлекать по мелочам обслуживающий персонал особняка. Сервис прямо на дому. Сколько и кому он сунул в мэрии — не мое дело.

Пожалуйста, закатайте рукав, расслабьтесь, больно не будет, прижмите марлевый тампон...

Место укола зудит под пластырем, действует на нервы. После инъекции меня еще полдня раздражает все и вся. А потом я прихожу в благодушное настроение, и окружающие мне представляются если не ангелами, то, по крайней мере, не ходиками на стене и не хомьяками на прогулке. В четверг, если освобождаюсь пораньше, заезжаю к сестре поиграть с годовалой племянницей и подумать, не завести ли мне такую же малявку...

Нога больно ударяется о что-то тяжелое. Штанина наливается холодным и мокрым. Твою налево! Какой козел поставил здесь ведро с водой? Убью урода!

— Эвелина? Слушаю. Какого хрена! Сегодня не эмошин день. Господин Гаррони перенес? Буду через десять минут. Почему так долго? Штаны поменяю на сухие, если тебе так хочется знать! Я всегда в четверг такой. Не нравится — звони в среду!

Увидев меня на проходной, эмоша отработанным движением выстреливает окурком в отдраенный до блеска мусорный бачок. Эмошу зовут Лили. У нее тонкие пальцы в заусенцах, тощие ноги торчат из-под короткой юбки недоваренными спагеттинами. Мордочка вытянута как у ежа, положенные в таком случае колючки выбелены перекисью. Большие уши торчат в стороны, отливая розовым. Лили то и дело поводит острым носом, точно принюхивается, и облизывает бледные губы. Помаду, если и была, девчонка давно съела. Следить надо за собой, в приличное место пришла!

Дежурно проверяю пропуск, охлопываю эмошу по бокам, выполняю свои обязанности.

Лили — самая некрасивая женщина Грегори. И самая дорогая. Говорят, если долго заниматься с эмошей, то можно кое-что вернуть из потерянного, навсегда вернуть, не как от уколов. Только как-то я еще не встречал никого, кому бы это удалось. Может, у Грегори получится за такие деньги.

Гаррони достаточно богат, чтобы не делать инъекций. Вот я не жалею денег на то, чтобы не есть бледные парниковые фрукты и соевое мясо. Ни вкуса в них, ни запаха, даже аромат химией отдает. А Грегори нашему эмоции и чувства — как сивуха для гурмана. Вот и балуется девчонкой-ежиком с ненакрашенными губехами.

Лили новенькая. Предыдущая за шейха из Саудовской Аравии замуж выскочила. В личное пользование, так сказать.

Эта, страхолюдная, берет страшно сказать какие деньги. И правильно. Раз дают, чего стесняться.

Суки эмоши. Богатые суки эмоши. Эта засранка еще под стол пешком ходила, когда я разбирался с боевиками ИГИЛа в Ираке. Интересно, как Грегори ее имеет? А может и не имеет. Откуда я знаю, какие у них там способы передачи. Резонансная эмпатия, если по-научному.

В середине сеанса Грегори заказывает чаю. Я уже задремывать начинал от безделья. Но приношу

сам. За те деньги, что эмоша получает, лучше у меня все под контролем будет. Пасторальную картинку вижу, надо сказать. Устроились они как голубки около стола, ладошки сжали, пальчики переплели, ежиха с ногами на стул забралась, шепчет что-то в волосатое ухо Грегори, он хихикает, как подросток от передоза.

Меня не заметили. Я поднос на стол поставил и ушел.

Когда прохожу по дорожке сада, перед носом в асфальт врезается что-то тяжелое. Падаю, откатываюсь, выхватываю Glock, вглядываюсь в темноту. Тихо вроде. Только смеются где-то наверху. Без подвывания, как часто теперь. Поднимаю голову. Эмоша и Грегори стоят на балконе и размахивают наполненными водой воздушными шариками. Увидели меня и сделали ручкой.

Какого хрена я это все терплю, спрашивается!

Захожу на кухню за сэндвичем. Повар Орешкин взвешивает на кухонно-аналитических весах муку с точностью до десятой доли грамма. Он у нас перфекционист. Вроде немного разжиревшего домашнего робота. У Орешкина освобождение. С подписью, печатью и занесением в базу данных. Аллергия у Орешкина на эмоцин. Отек Квинке. Это плохо для общества. А для Орешкина? Проживет он точно дольше всех нас. И не закончит свои дни в дурке. Последствия длительного действия препарата на человеческий организм изучены только на крысах. Не до того было, когда все это закрутилось. А теперь уж чего, теперь уже все приехали. И смирились.

Эмоши. Никто не знает, почему они такие. И почему им сила такая дана. Говорят, эмоши богом меченые. У всех у них знак под сердцем, будто шрам от ожога. И те, кого эмоша полюбит, до ста лет жить будут. Только эмоша кого попало не полюбит. Заслужить надо праведными делами. А что деньги берут, так не всегда. Вот я знаю один случай...

Из разговоров в толпе

Вечером сталкиваюсь с эмошей на проходной. Она просит вызвать такси. Великодушно предлагаю ее подвезти. Раздражительность улетучилась, я теперь добрый, как Дед Мороз. Только без подарков. Седьмая авеню, двадцать пять. И недалеко, и по дороге.

В машине эмоша молчит, шмыгает носом, колотит ладонью по острой коленке. Спрашиваю:

— Зачем надо был ошвырять шарики с балкона?

— У всех своя методика, — отвечает снисходительно. Конечно, если ты эмоша, можешь себе все что угодно позволить. Но вкалывает она много, под глазами кофейные тени разлеглись. Таких от одного дня недосыпа не бывает. Берет на себя больше, чем может вывезти. Жадная, что ли?

Чего только про эмош не говорят. А по мне, так обычная девчонка. Малохолдная чуток. Ну, это с каждым может случиться.

Проезжаем улицу, забитую дешевыми рестораничками. Ежиха крутит носом. К чаю у нее сегодня была только маленькая вазочка сухого печенья. Не буду предлагать ей свой сэндвич с ростбифом. Сестра сможет меня накормить только соевыми биточками из стружки с подливкой на эмульгаторе. Кушайте сами. Приятного аппетита.

Начинается дождик. Открываю зонт и провожаю эмошу до крыльца. Придерживаю дверь. Неврологическая клиника Норманда. Навещает кого-нибудь из родственников, наверное. У меня здесь тетка в прошлом году скончалась. Ей на голову ветка здоровущая с дерева упала. Я тетку и не навещал ни разу. Все равно она никого не узнавала. Кузены сами к ней раз или два заходили и то, наверное, в четверг. А зачем? Помочь-то все равно ничем нельзя.

— Спасибо, что подвезли, Алекс!

— Всегда к вашим услугам, Лили!

Дома открываю бутылку «Пауланера» и валюсь на тахту перед телевизором. Сегодня и завтра вздрюченному уколами населению будут предлагать старые комедии и фильмы ужасов, облепленные рекламой, как дерьмо мухами. Вчера крутили все больше научно-познавательное про животных.

Земной шарик здорово изменился за те двадцать лет, что прошли со времени Большого Бенца. Сначала-то все правительства наложили в штаны. Кто еще мог. Рождаемость по нулям. Нет, трахаться — пожалуйста, с детьми возиться — никто не хотел. Институт семьи как таковой существовать перестал. Производительность труда скатилась ниже плинтуса, зато рванул вверх алкоголизм. Новых изобретений тоже никто не выдавал. Для этого, понимаете ли, вдохновение нужно, сладкое томление души. А где его взять? Мальчишки молодые, инженеры будущие, в игрушки компьютерные сутками резались. Им и раньше ничего другого не надо было, а уж теперь... Некоторые и в туалет не считали нужным сбегать... А девчонки. Чем девчонки занимались? Не помню. Среди них тогда много жирных появилось. Наплевать всем стало на внешность. Все и так были собой довольны.

Я бы и сам через это прошел, но уже в спецназе завис. Когда дисциплина железная и тренировки до седьмого пота — оно легче.

Сейчас проще стало. Вся жизнь теперь четко поделена по дням недели. Что в школах проходят, что адвокаты в суде несут, что в Интернете пишут — очень зависит от того, четверг сегодня или среда. Действует еще эмоцин или нет.

Меня Большой Бенц уже после школы застал. Я еще даже влюбиться успел. Хотя смутно все это помню. Сидела передо мной девчонка на биологии.

Рыжие кудри подняты в хвост на затылке, тонкая волосая дорожка просвечивает золотом на неправдоподобно белой шее в россыпи веснушек. И я, красный как рак, приношу ей золотой воздушный шар с надписью «С Днем рождения!».

На экране отпетого дебила суют хрюком в торт. Почему-то торт это всегда смешно между четвергом и воскресеньем.

Звонок в дверь. Мой сосед, старик Бассет, серый как шляпа, привалился к стене.

— Алекс, вызови скорую, пожалуйста. — И сползает на пол. Выгибается тощая спина, закатываются глаза, пенится слюна на губах. У Бассета начинается припадок.

Вызываю из памяти номер. Накидываю на Бассета одеяло, перешагиваю через трясущееся тело и возвращаюсь к телевизору. Когда приедет скорая — неизвестно. У врачей сегодня много работы. Эмоции не все переносят хорошо.

А я вот знаю одного. Обычный, как все. Он с эмошей связался, живут вместе. Прямо в моем подъезде. Откуда знаю? Ну, как не встречу его в лифте — все улыбается. Что в пятницу, что в среду. По-настоящему улыбается, без дураков. Мы, простые смертные, так не умеем.

Из разговоров в толпе

Четверг

Эмошу резко кидает вперед, потом назад. Затылок впечатывается в спинку сиденья. Мне достается меньше. Легковушка впереди на всем ходу врезалась в бампер джипа. Из покореженной машины вытаскивают и укладывают на мостовую толстого мужчину с неестественно вывернутой ногой. Водитель джипа нервно меряет потрескавшийся асфальт вокруг, то и дело поглядывая на часы. Остальные спокойно проезжают мимо: чего движению зря мешать.

Эмоша выбирается из машины, подбегает к пострадавшему, садится рядом, берет за руку. Что-то говорит тихо и быстро, гладит ладонь. Отходит только тогда, когда приезжает «скорая помощь».

В этот раз не провожаю ежиху до дверей клиники. Столько времени на пустяки потратили. Все-таки глупые они, эмоши. Не от мира сего.

— Спасибо, что подвезли, Алекс!

— Всегда к вашим услугам, Лили!

Четверг

У эмоши коротко подстрижены волосы на затылке. На шее они чуть отросли и торчат темными колючками. Дотронешься — можешь уколоться.

Шея тонкая, такую свернуть ничего не стоит. Одна рука под подбородок, другая под затылок. Не

пытаетесь сами, без долгих тренировок ничего не получится.

В машине противно пахнет гамбургерами из Макдоналдса. Подъезжаем к клинике, эмоша достает замаслившийся пакет из сумки. Вынимаю пакет у нее из пальцев, отношу в урну, вручаю эмоше сэндвич с настоящим ростбифом.

— Вредно жрать всякую химию, — объясняю.

Эмоша дергает кончиком носа, разламывает сэндвич и протягивает половину мне. Пытаюсь изобразить улыбку. Одна половина рта ползет вверх, другая вниз. Лили понимающе кивает и достает из кармана тряпочку — оболочку воздушного шарика, дает мне и надувает щеки.

— Воду сами налейте, — говорит она совершенно серьезно.

Придушить ее, что ли?

— Спасибо, что подвезли, Алекс!

— Всегда к вашим услугам, Лили!

Четверг

Эмо сегодня совсем поникшая. Под глазами просто кофейная гуща разлита. И по коленке как по барабану ладошкой настукивает.

Останавливаюсь у клиники, спрашиваю вежливо так, не случилось ли чего-нибудь? У эмоши тут же краснеют глаза, начинает хлюпать нос, и на меня выливается грустная история о Максе, который уже шесть месяцев лежит в клинике в коме после аварии и за которого эмоша готова удавиться. Хотя, как я понял, Макс этот к ней чувств особых не испытывал, несмотря на то что тоже был из этих. Эмоша к нему катается по нескольку раз в неделю и тратит на лечение львиную долю заработка. А сегодня ей позвонили и сказали, что Максу стало хуже. И теперь она боится идти в палату.

Беру эмошу за руку и поднимаюсь по ступенькам. Оставляю ее за дверью комнаты и отправляюсь искать врача. Под моим присмотром быстро найденный эскулап подробно рассказывает эмоше, что состояние больного удалось стабилизировать.

Открываю дверь в палату, захожу первым, за мной осторожно входит эмоша. В нос шибает запахом лекарств и антисептика.

Меня с головой захлестывает щемящее чувство нежности. Эмоша не удержала его в себе, расплескала часть вокруг. Теперь я понимаю, что ощущает Григори во время сеансов. И почему не хочет делать уколов.

Греюсь под лучами не предназначенного мне тепла, а потом тихо ухожу.

— Спасибо, Алекс!

— Всегда к вашим услугам, Лили!

Говорят, что резонансные эмпапы — птицы Феникс, возродившиеся из пепла сгоревшего прежнего мира. Внешне ничем не отличающиеся

от обычных людей, они несут в себе искру нового необъяснимого умения, единственную надежду человечества, утратившего самое главное в необратимом катаклизме. Их чувства — живая вода на наши увядшие души, их слова — бальзам для наших высохших сердец, их взгляд — пламя для наших потухших желаний...

*Легенды нового мира.
Издательство «Эра». 20XX год*

Пятница

Утром сопровождаю Грегори на свидание в самый дорогой ресторан города. В пятницу, в состоянии неспешной влюбленности, он поглощает ланч в компании красивых девушек, о которых к четвергу забывает начисто. Когда мы возвращаемся, на проходной меня ждет эмоша.

— Я вам так благодарна за помощь, просто не представляете. Вы сейчас свободны? Пойдемте в парк.

Мы сидим на траве у пруда. Эмоша принесла кулек вишни. Теперь у нее совершенно синий язык, как у утопленника. Соревнуемся, кто точнее плюнет косточкой. Эмоша крошит булку, кормит уток. Сквозь рваные джинсы торчат острые коленки. Выпиваем на двоих бутылку фруктового чая. А потом Лили сворачивается у меня под рукой и засыпает. Она, наверное, боится спать дома: все время ждет звонка из клиники. А здесь, со мной, ей больше не страшно. Ветер шевелит короткий ежик волос. Видно, что корни отросли. Они другого цвета. Кажется, такой цвет называется каштановым.

Шея тонкая, такую свернуть — ничего не стоит. Пусть кто попробует...

Суббота

В парке аттракционов как всегда толпа. Только вопят меньше, чем когда-то. Лили очень забавно боится и визжит как поросенок. В наш поезд на «скрим-машине» набилось до чертовой гибели народа: все хотят попасть под волну эмоши.

— Алекс! Какой ты молодец, что меня сюда вытаскил! — хохочет Лили, облизывая брикет шоколадного мороженого. Стираю пальцем сладкий след с ее щеки. Щека теплая и мягкая, как щенячье пузо.

Воскресенье

Играли с Лили в теннис. Она подвернула ногу. Из чистого упрямства несусь Лили пешком на шестой этаж. Она обнимает меня за шею. Потом говорит, что не приглашает меня к себе только потому, что это неправильно по отношению к Максусу. Могу просунуть ногу и не дать закрыться двери. Но я как честный человек сделаю это завтра.

Понедельник

Сегодня безэмошин день — моя девочка уехала к клиенту на край света или даже галактики. Хочется сделать для нее что-нибудь приятное, только я не знаю — что.

— Подари цветы, — советует Эвелина.

В крошечном магазине душно пахнет землей и духами.

— Какие хотите? — отрывается продавец от чтения телевизионной программы на неделю.

Откуда я знаю. Цветы — они и есть цветы.

— Возьмите розы. Прямо из парника.

Рука подрагивает, когда я подписываю открытку.

Продавец смотрит на меня, как на психа.

Вторник

Лили благодарит за цветы. Чувствую себя... Странно себя чувствую, короче.

Справляюсь в клинике о самочувствии Макса. Перспектива мне не нравится.

Среда

Прихожу в клинику Норманда, когда по коридорам снует больше всего народа: легче затеряться в толпе. В конце концов, это жестоко — заставлять Лили выбирать между мной и Максусом, который может так никогда и не очнуться. Проще взять это на себя.

В палате полумрак, жалюзи опущены, тихо пищат приборы, меряющие пульс и давление. Этот Макс красив даже сейчас, после шести месяцев комы. У моей девочки хороший вкус.

Прижать два пальца там, где на шее едва заметно бьется голубая жилка, и Лили не придется ничего решать. Мои соболезнования и все такое.

Дотрагиваюсь до сухой, горячей кожи. Пальцы отказываются сжиматься, отказываются выполнять знакомую им работу. Алекс, сукин сын, о чем тут вообще думать! Каждый дурак знает, что я лучше.

В ушах громко стучит кровь. Достая из кармана куртки тряпочку воздушного шарика, надуваю до предела и зло (откуда в понедельник во мне столько зла?) изо всех сил бью кулаком.

У человека на кровати распахиваются ничего не понимающие глаза.

— Макс, — говорю я, — добрый вечер, Макс. Когда оклемаешься чуток, поговорим как мужчина с мужчиной. Я тебе обещаю.